

Пролетая над гнездом

**Катя МЕДВЕДЕВА
не принимает скуки житейской,
умудренности и возраста**

— У меня все по настроению. Когда я деловая, акрилом работаю: не выгорает и без запаха. О небесах думаю — темперой пишу. А то, что сейчас на душе лежит, — маслом... Посмотри, автопортрет сырой еще. Я в него собственные бусы гранатовые вставила. А щеки я себе всегда делаю румяные — так я на Чурикову похожа. Ой, люблю ее!

Автопортрет Катя Медведева написала к своему 60-летию. Смотрит Катя с картины на этот мир — не нарадуется. И тут же, рядом, сама художница, модно, красиво и вместе с тем забавно одетая: в стильном черном шелковом платье, в легких спортивных сапожках и старинной косынке вологодских кружев.

Голос у нее хрипловатый, веселый, интонация озорная — Катя пришла в искусство пряمهонько из деревни. Деревенское голодное детство на Украине — под немцами, детдомовское отрочество; юность на ткацкой фабрике, в тесноте общежития; короткое дурное замужество. В па-

Ангел: езжай, Катя, в Москву. Москва тебе дорогу откроет. Утром собрала вещи — и на вокзал.

С тех пор, как взялась за кисть, все пошло в руки, во всем началась удача. И в Москву попала, и в Дом народного творчества, а оттуда в Старую Ладугу — на свою землю обетованную...

Этот маленький русский городок на Ладоге благодаря ей, Кате Медведевой, нынче известен в большом мире. А ведь попала Катя туда случайно. Дали из жалости (в Москве негде было даже притулиться) путевку в старолужский пансионат — поживи, обдумай свое положение. А она привезла оттуда сотни две картин. Многие из которых вскоре отправились в Европу. На выставке в Ницце, устроенной известным французским коллекционером Рене Герра (нынче страстным поклонником Медведевой), «Белые ночи Старой Ладуги» вызвали настоящую сенсацию. Сам великий Шагал ее заметил, написав прямо на холсте, под фамилией художницы: «Катя

картин. И Катя разговелась. И даже остались деньги на поездку в желанную Ниццу, куда ее все время зовут. Но... Опять не доехала, потому что опять деньги быстро разошлись по родным и друзьям. И по знакомым, которых у Кати полон дом.

— Ко мне все идут: и закурить взять, и опохмелиться, и просто покушать. И беженцы. Что ж, сама ведь бездомной была.

Как-то заехав к Кате, я застал у нее молодую беженку из Чечни, с грудной девочкой на руках.

— Это моя крестница, — объяснила художница. — Пришла ко мне уже на сносях. Приютила. А потом и роды приняла.

Однако вернемся к выставке. Зрители увидели на ней почти все знаменитые Катины сюжеты. Но на сей раз царствовал новый фаворит — балет. Не было лишь одной из самых лучших балетных вещей Медведевой — «Жены Пикассо», которую приобрела, как говорится, прямо из-под кисти, известный московский галерист Галина Дanelия. Эту картину Катя посвятила Ольге Хохловой.

— В 1918 году, — рассказывает Медведева, — в Париж съехались 60 русских балерин, и Пабло Пикассо выбрал среди них самую молодую и красивую, 16-летнюю Олечку Хохлову. Прожил с ней 17 лет, а потом внезапно выгнал из дома. Она умерла от горя по дороге из Парижа в Копенгаген. Вот такая невозможная история...

— Откуда твоя любовь к балету?

— Прочла книгу Плисецкой «Я, Майя». До этого — деревенская ведь баба — я о балете даже не думала, высоко он, не для меня. И, конечно, была уверена, что Майя Плисецкая живет, как царица. А оказывается — нет! Но главное, через книгу я поняла: жизнь балерины — самая трудная в мире. Теперь я знаю, балерины, как дети, — живые ангелы!

Первую свою картину о балете — «Цветы Лебедю», огромную (два метра на полтора), Медведева посвятила Майе Плисецкой. И хотя эту картину много раз пытались купить — не продает, надеется подарить самой балерине.

— Как же ты писала Майю Михайловну, если даже на сцене никогда не видела?

— В книжке есть портрет. Но я свой образ делала: читала и видела ее, как наяву.

Отныне Катя ходит в Большой — на «Раймонду», на «Лебединое озеро», но чаще всего на «Жизель».

— Мне кажется, само слово «Жизель» означает жизнь, — говорит Катя. — Жизнь для любви.

**Леонид ЛЕРНЕР
Фото автора**

Богородица Юница

мать обо всем этом, о себе, матери-одиночке. Катя Медведева, став художницей, напишет образ «Богородицы Юницы», светлый и радостный, который, по глубокому убеждению Кати, в самые трудные годы был с ней рядом, давал силы и надежду.

На первой же Катиной выставке «Юницу» потрясенные чистотой образа купили заезжие греки. Катя написала другую, третью, четвертую... И они тоже разошлись по частным собраниям. Но каждый раз вновь появлялись на очередной выставке. И не было дня, чтобы холст с Богородицей не висел в мастерской художницы, превнося в ее жизнь все новые чудеса.

Спрашиваю о начале: как она начала рисовать?

— Ну, это и вовсе чудная история, — говорит Катя. — Лет до сорока бродила по свету, пока не остановилась в Ульяновске. Устроилась в кафе официанткой. Дочку, семиклассницу, отдала в художественную школу. Накупила ей кистей, красок. А Иринка возьми да и брось. Что ж, думаю, кистям и краскам пропадать? Сама встала за мольберт. И посыпались из меня картинки! Рисовала днем и ночью. Однако скоро поняла, что в Ульяновске мои картинки никому не нужны. И вот как-то во сне явился

Медведева — это русский талант со своим почерком. Она также любит цвет, как и я».

На своей юбилейной выставке Катя Медведева показала всего тридцать работ. Рисует она все время, да вещи уходят быстро: жить-то надо. Катя, кстати, легко с ними расстается. Правда, прошлой весной, за месяц до Пасхи, вдруг исчезли покупатели, и у Кати образовался пустой холодильник. Ей бы огорчиться, а она обрадовалась: значит, говорит, так пожелал Господь — чтобы соблюдала пост. А перед самым Светлым Воскресеньем, как по щучьему велению, приехала датская коллекционерша Лис Янstrup и купила сразу несколько

Жизель